

Г. Е. Корнилов

Голод в Казакской АССР в 1930-е годы: историографический дрейф

Тема голода начала 1930-х гг. в СССР не сходит со страниц исторических журналов и СМИ. Однако в последнее десятилетие обращение к теме украинского голода постепенно снижается, тогда как изучение казахского голода (именно так, а не казахстанского) привлекает все большее внимание историков, публицистов и политиков. Подробный и тщательный анализ исторической литературы по голоду в СССР начала 1930-х гг. содержится в работах В. В. Кондрашина¹. Российские ученые собрали и опубликовали (в 3 т.) убедительный документальный материал². Это результат работы международного проекта «Голод в СССР. 1929–1934 гг.», организованного Федеральным архивным агентством России. В его реализации приняли участие архивисты России, Казахстана и Беларуси. Научным руководителем проекта и ответственным составителем документальной серии стал В. В. Кондрашин. Организационное руководство проектом осуществлялось директором Российского государственного архива экономики Е. А. Тюриной при всемерной поддержке руководителей Федерального архивного агентства В. П. Козлова и А. Н. Артизова.

Научная новизна проекта состояла в публикации ранее недоступных исследователям документов из Архива Президента России и в акценте на особенностях голода в регионах СССР начала 1930-х гг. Кроме того, в третьем томе впервые в историографии был затронут международный аспект проблемы: на новых документах из Архива внешней политики РФ, Российского государственного военного архива и ряда зарубежных архивов

**Корнилов
Геннадий Егорович**
д-р ист. наук, проф.,
Институт истории
и археологии
Уральского отделения
РАН (Екатеринбург,
Россия)

показана реакция зарубежных стран и зарубежных общественных организаций на коллективизацию и голод в СССР.

В издании собран уникальный материал по голоду в Казахстане³. Отметим, что на титульном листе стоит гриф Комитета информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан. В подготовке томов участвовали: председатель Комитета информации и архивов Министерства связи и информации Республики Казахстан Б. Т. Берсебаев (член редсовета), Е. К. Жусупов (член редколлегии), начальник управления архивов и документации Комитета информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан Г. Т. Исахан (составитель). Голод явился результатом ошибок и просчетов политического курса руководства страны в осуществлении коллективизации. Выявленные документы свидетельствуют, что никто ни в центре, ни на местах не планировал никакого голода, в них нет положений, указывавших на этнические мотивы случившегося. Не этнический, а классовый принцип определял политику сталинского руководства.

Историографии казахского голода практически нет. Целью статьи является анализ интерпретаций голода в Казахстане в современной историографии по вопросам хронологии, откочетов и оценки демографических потерь.

Первая работа, давшая старт изучению голода в Казахстане, вышла в 1989 г. и была подготовлена авторитетными учеными М. К. Козыбаевым, Ж. Б. Абылхожиным, М. Б. Татимовым. Авторы связали голод с политикой коллективизации, в ходе которой происходило «оседание» кочевых и полукочевых казахов⁴. Вина за трагедию возлагалась на республиканское чиновничье-бюрократическое руководство. В статье обозначены основные проблемы, остающиеся в историческом и политическом дискурсах до сегодняшнего дня. В 1992 г. тема статьи была продолжена в работе «Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства»⁵. Количество жертв голода здесь подсчитано по материалам переписей населения в 1926 и 1939 гг.; показано, что население Казахстана за эти 12 лет сократилось на 1321 тыс. чел. (на 36,3%). Прямые жертвы голода 1932–1933 гг. и его последствий (эпидемии инфекционных болезней) составили 1750 тыс. чел. (42% от всех казахов республики). Большой урон численности казахов нанесли откочевки. Половина уцелевшего населения — 1030 тыс. чел. откочевали за пределы Казахстана, из них 414 тыс. впоследствии вернулись⁶. Ранее М. Б. Татимов пересчитал материалы переписи 1926 г. по Казахстану, прибавив к ним поправку в 12,3% (диспропорции в половозрастной структуре и недоучет кочевников в отдаленных поселениях). Суммарная поправка к данным переписи 1926 г. и поправка на естественный прирост заставили его предположить, что на середину 1930-х гг. коренное население автономной республики в сопоставимых границах составляло 4120 тыс. чел. Эта цифра стала основой для последующего демографического анализа. Масштабы невосполнимой убыли коренного населения Казахстана, по его мнению, составили 2 млн чел., а уровень естественной смертности достигал 25%. С учетом этого численность умерших естественной смертью за 1931–1933 гг. составила только 250 тыс. чел. (7%)⁷. М. Х. К. Асылбеков и А. Б. Галиев подтвердили эти данные, как они писали, «косвенно» — 1745 тыс. чел. с учетом

естественной смертности, дополнив, что это минимальная величина, поскольку не учтены все данные⁸.

В ноябре 1991 — декабре 1992 г. работала комиссия Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению нормативных правовых актов, приведших к голоду во время коллективизации. В ее заключении утверждалось, что казахский этнос подвергся жесточайшему геноциду и понес тяжелейшие потери: от голода и связанных с ним эпидемий, а также высокого уровня естественной смертности народ потерял 2,2 млн чел., т. е. 49 % всего своего состава⁹.

А. Н. Алексеенко, проанализировав публикации казахстанских историков и демографов о пострадавших от голода, отметил тенденцию постоянного увеличения числа потерь. По этому поводу он высказал свое недоумение: если к 1930 г. численность этноса составляла, по его собственным расчетам, 3886 тыс. чел., то значит, что за 1930–1934 гг. казахи потеряли более 80 % своего состава. После таких потерь ни один этнос не восстанавливается. Его расчеты учитывали в потерях не только пострадавших от голода, но и репрессированных, сосланных, т. е. общие потери казахского этноса в 1930-е гг. Он использовал методику передвижки возрастов, чтобы проследить, какое число людей из каждой возрастной группы доживает с 1926 до 1939 г. При расчетах он предложил, что общие коэффициенты смертности составили на первый год 25 ‰, на последующие — 15 ‰. Полученные данные об умерших естественной смертью за 12-летний период были вычтены из числа потерь, обнаруженных сверкой возрастных групп. С учетом всех поправок, по мнению А. Н. Алексеенко, потери только казахского этноса составили 1840 тыс. чел. или 47,3 % от численности этноса в 1930 г. Кроме того, Казахстан покинуло около 1 млн чел.¹⁰

Существенно повлияла на число жертв в казахской трагедии в сторону завышения оценка голода как геноцида. Историк Т. Омарбеков, работавший в 1997 г. в Сенатской комиссии и знакомившийся с архивами Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, считал, что советские руководители намеренно занижали потери населения от голода: «Фактическое количество погибших и откочевавших казахов с 1931 по 1933 г. составляет более 3 млн»; он полагал, что геноцида казахов не было: «По крайней мере, ни одного документа за подписью Сталина в архивах не нашел. Причины голода — в ошибочных реформах страны и республики»¹¹.

С критикой расчетов А. Н. Алексеенко, в которых были использованы официальные советские статистические данные, выступил директор НИИ «Алаш» Евразийского национального университета Султан Хан Аккулы. Он полагает, что расчеты о естественном приросте казахов неверны, поскольку не совпадают с расчетами, сделанными еще А. Н. Букейхановым. Если естественный прирост казахов к 1924 г. за прошедшие 10 лет составил 979 тыс. чел. при общей численности в 6,47 млн чел. к началу Первой мировой войны, то за 8 лет, с 1924 по 1932 г., он должен был достигнуть не менее 783 тыс. чел. Следовательно, численность коренного населения накануне голода 1932 г. только в пределах республики составляла по крайней мере 7250 тыс. чел. Перепись 1937 г., проведенная спустя четыре года после общенационального бедствия, показала

численность казахов в 2 181 520 чел. Если из этих данных вычтеть численность казахов на начало 1932 г., а также исключить среднее число откочевавших в сопредельные страны 1 млн казахов, то получается наиболее вероятная численность умышленно истребленных голодом казахов в 4 068 480 чел., или 70 % числа населения¹².

Казахские исследователи — сторонники концепции голодомора как акции геноцида народа в своих работах используют разные определения голода в Казахстане: «голощекинский геноцид», «этноцид», «национальная катастрофа казахов», «казахцид»¹³.

Российские и зарубежные исследователи не признают, что голод в Казахстане был геноцидом казахского народа. Российские специалисты, в первую очередь В. В. Кондрашин, и зарубежные — Р. Киндлер, И. Огайон, Н. Пьянчиола С. Камерон, С. Уиткрофт — не затрагивают тему геноцида напрямую, утверждая, что советское руководство не планировало физическое уничтожение казахов, и подчеркивая, что голод в Казахстане не соответствует юридическому определению геноцида, принятому Генеральной Ассамблеей ООН. Однако С. Камерон (США) пишет, что сталинский режим (голощекинский в Казахстане) создал такие условия жизни казахов, которые приводили к их частичному физическому уничтожению, что может соответствовать некоторым пунктам Конвенции о предупреждении преступного геноцида и наказании за него (принята 9 декабря 1948 г.)¹⁴. Подобное заявление сделал и Р. Киндлер (Германия) на радио «Азаттык» в мае 2014 г.: «Сталинское руководство не имело целью “уничтожить” определенные “советские” нации (к примеру, украинцев и казахов), но согласилось с тем, что реализация коллективизации и раскулачивания могла привести к смерти миллионов советских граждан. Для Сталина и его окружения жизнь одного человека не принималась во внимание. Для них было важно исполнить план, укрепить свою власть и провести полную реконфигурацию и подчинение общества своей воле»¹⁵.

В октябре 2018 г. Сенат США принял резолюцию, в которой признал голодомор 1932–1933 гг. геноцидом украинского народа¹⁶. Тем самым проблема голодомора как геноцида была политизирована и превращена в пропагандистский козырь. 1 ноября 2018 г. в *The Wall Street Journal* появилась статья С. Камерон «Забытый советский голод. Мы знаем, что Сталин сделал с Украиной, но не с Казахстаном». Автор заключила, что «...казахский голод был еще большим зверством, чем украинский. Казахи также были насильственно коллективизированы, а голодающие подверглись жестоким репрессиям, включая закрытие границ, чтобы они не могли бежать. Погибло 1,5 млн чел. Погибло около трети всех казахов, что почти наверняка является самым высоким показателем смертности из-за коллективизации среди всех народов Советского Союза»¹⁷. Автор призвала Конгресс США принять резолюцию о голодоморе в Казахстане.

К этому времени в самом Казахстане сложились предпосылки трактовки казахстанской трагедии как голодомора с целью геноцида казахов¹⁸. В сентябре 2018 г. в Астане состоялась акция, посвященная «85-летию голодомора». В ней приняли участие казахстанские ученые, украинские дипломаты и представители

украинской диаспоры. Посол Украины в Казахстане Д. Кулеба призвал Астану последовать «примеру 20 стран, которые признали голод 1930-х годов геноцидом»¹⁹. Движение «Жана Казахстан» приняло «Меморандум о признании геноцида в отношении казахов», который был передан в Сенат, Конгресс и Госдепартамент США, а также ведущим американским аналитическим центром. В документе утверждается: «...на протяжении 150 лет казахский народ подвергался скрытому и открытому притеснению по политическому, национальному, экономическому, социальному, военному, религиозному признакам»²⁰.

Трактовка событий голода некоторых народов СССР превратилась не в восстановление справедливости, а в фальсификацию истории. Демократическая партия «Ак Жол», сославшись на опыт Украины, в июне 2020 г. призвала к тому, чтобы геноцид казахов был признан не только на национальном, но и на международном уровне, включая ООН, ОБСЕ, Конгресс США и Европарламент. Их аргумент один — подсчеты лидера «Алаш» А. Букейханова, который механически приложил коэффициент естественного прироста населения к результатам переписи 1897 г. и вывел численность казахов в 6,5 млн чел. к 1924 г. Эти построения, не имеющие к демографии как науке никакого отношения, игнорируют и восстание 1916 г. с его жертвами и массовыми откочевками в Китай, и период Гражданской войны, и голод 1921–1922 гг. В парламенте уже ждет своего часа внесенный националистической партией «Ак Жол» проект закона о признании «Ашаршылыка» 1922–1923 и 1932–1933 гг. в Казахстане геноцидом казахского и других народов Казахстана, полностью копирующий украинский аналог и вводящий уголовную ответственность за отрицание геноцида²¹.

В феврале 2021 г. в Национальной академической библиотеке в Нур-Султане состоялся круглый стол «Тернистый путь к свободе: исторический взгляд на последствия Ашаршылық». В нем участвовали депутаты сената, министры и ученые-историки. Спикер сената М. Ашимбаев озвучил позицию властей Казахстана: «Ашаршылық — это трагедия, через которую прошел не только казахский народ, это страшное гуманитарное бедствие для всех стран бывшего Союза. По этой причине мы к проблеме Ашаршылық должны подходить, прежде всего, с научной точки зрения, не придавая вопросу политическую окраску»²². 31 мая 2021 г. он презентовал трехтомный сборник документов «Ашаршылық. Голод. 1928–1934. Документальная хроника»²³. Среди помещенных в сборнике 1126 документов ни официальные правительственные документы, ни внутриведомственная переписка не указывают на то, что советские лидеры намеревались уничтожить людей голодом.

С. Уиткрофт еще в 2013 г. на конференции в Астане заявил: «Я не думаю, что термин “геноцид” должен быть применен к СССР в начале 1930-х, потому что я не вижу никаких доказательств о намерении умышленно убить много людей по национальному признаку»²⁴. М. Элман писал, что, поскольку подавляющее большинство украинцев выжило, голод не был попыткой нанести удар по самому существованию украинцев как таковых, он «представляется примером “небрежного геноцида”, который выходит за рамки Конвенции ООН». И далее заключил: «Если принять более мягкое определение геноцида, которое предпочитают современные специалисты по геноциду, то украинцы были жертвами

геноцида в 1932–1933 гг. (так же как русские и казахи в 1930–1934 гг.)»²⁵. И это мнение разделяет большая часть авторитетных историков.

Тем не менее попытки доказать чрезвычайно высокие людские потери обнаруживаются в регионах, где репрессивная политика властей была гораздо более жестокой, чем где-то еще, и для которых национальность может быть ключевым фактором. Первую попытку такого исследования предприняли Н. Левчук, О. Воловина, О. Рудницкий и др. Они пришли к выводу, что голод в СССР имел общесоюзный характер лишь в первой половине 1932 г. Начиная с конца 1932 г. и в течение 1933 г. он трансформировался в голодомор против крестьян в Украинской ССР и на Кубани, областях РСФСР с высокой долей этнических украинцев²⁶.

Вторую попытку решения проблемы этнизирования голодомора осуществила международная группа (А. Маркевич, Н. Науменко и Н. Цянь). Результатом их проекта изучения советской государственной политики в начале 1930-х гг. стало заключение, что этнические украинцы столкнулись с более высокой смертностью во время Великого голода в СССР 1932–1933 гг. Их вывод, собственно, не отличается от результатов первой попытки: украинская этническая принадлежность, а не административные границы Украинской ССР имели значение для смертности от голода. По их расчетам (прокси-метод), предвзятое отношение к украинцам объясняет до 77 % смертей от голода в трех республиках: России, Украине и Беларуси и до 92 % в Украине²⁷.

Голод 1930-х гг., помимо Казахстана, охватил обширные районы Поволжья, Западной Сибири, Северного Кавказа, Южного Урала, Белоруссии. Но практически нигде, кроме Украины, по голодомору не было принято политического решения.

Вопрос о количестве погибших во времена Ашаршылыка — самый трудный и самый спорный. Исследователи приводят самые разные цифры, и ни одна из них не может рассматриваться как окончательная. А разброс весьма и весьма значительный — от 650 тыс. до более 3 млн чел. (таблица).

Оценки потерь населения Казахской АССР в годы голода

Автор	Годы	Людские потери	Источник информации
Р. Конквест	1932–1933	1 млн	<i>Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine.</i> New York, 1986. P. 306; <i>Конквест Р. Жатва скорби</i> // Новый мир. 1989. № 10. С. 179–200
О. П. Рудницкий, А. Б. Савчук	1932–1934	1258,2 тыс.	<i>Рудницкий О. П., Савчук А. Б. Голод 1932–1933 рр. в Україні у демографічному вимірі // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): матеріали Міжнародної наукової конференції.</i> Київ, 2013. С. 281

Автор	Годы	Людские потери	Источник информации
Р. Киндлер	1931–1934	1,5 млн	<i>Киндлер Р.</i> Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М., 2017. С. 226
Н. В. Алексеев	1931–1934	1798 тыс.	<i>Алексеев А. Н.</i> Голод начала 30-х гг. в Казахстане (методика определения числа пострадавших) // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. М., 1992. С. 76–78
Х. М. Абжанов	1931–1933	Не менее 3 млн	<i>Абжанов Х.</i> Голод начала 30-х годов XX века в Казахстане: Преступление и Наказание // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2022. № 1. URL: https://edu.e-history.kz/ru/expert/view/60 (дата обращения: 30.01.2022)
М. Олкотт	1932–1933	2 млн (1,5 млн казахов)	<i>Olkott M. B.</i> The Collectivization Drive in Kazakhstan // Russian Review. 1981. Vol. 40, no. 2. P. 122–142
С. Ш. Казиев	1931–1932	Более 1,2 млн	<i>Казиев С. Ш.</i> Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. С. 286, 293
Р. Дэвис, С. Уиткрофт	1931–1933	1,3–1,5 млн	<i>Дэвис Р., Уиткрофт С.</i> Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. С. 412
С. Уиткрофт	1931–1933	1 млн	<i>Уиткрофт С.</i> Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929–1934. М., 2013. Т. 3. С. 767
М. К. Козыбаев, Ж. Б. Абылхожин, К. С. Алдажуманов	1931–1933	2,2 млн (1,75 млн этнических казахов)	<i>Козыбаев М. К., Абылхожин Ж. Б., Алдажуманов К. С.</i> Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992. С. 7; Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–1933 гг.: сб. документов / под ред. М. К. Козыбаева; сост. К. С. Алдажуманов и др. Алматы, 1998. С. 15
М. Б. Татимов	1931–1933	2,5 млн	<i>Татимов М., Алиев Ж.</i> Дербестимиз — демографияда. Алматы, 1993. С. 216; <i>Татимов М.</i> Қазақ әлемі: Қазақтың саны қанша? Қазақ қашан, қайдан қуылған, қырылған және атылған? Алматы, 1993. Б. 9
Ж. Абылхожин	1932–1933	1,3 млн	<i>Абылхожин Ж.</i> Модернизация от противного // Эксперт Казахстан. 2011. № 21 (312). С. 68
Д. Н. Верхотуров	1932–1933	Не более 650 тыс.	<i>Верхотуров Д. Н.</i> «Казахский геноцид», которого не было. М., 2021. С. 155

Продолжение таблицы

Автор	Годы	Людские потери	Источник информации
С. Аккулы	1932–1933	4068,5 тыс.	<i>Аккулы С.</i> Голод 1932–1933 гг. истребил казахов на 70%, сократив с 7,2 миллионов до 2! // Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане: вопросы историографии и подходы к исследованию проблемы (к 80-летию трагедии) / под. общей редакцией Е. Б. Сыдыкова. Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2014. С. 145; <i>Аккулы С.</i> Потери казахов от голода 1932–1933 годов составили 4 миллиона 68 тысяч человек // Алтын-Орда: [сайт]. URL: https://clck.ru/33P69s (дата обращения: 15.01.2022)
С. Камерон	1930–1933	Более 1,5 млн (1,3 казахов)	<i>Камерон С.</i> Голодная степь: голод, насилие и создание Советского Казахстана. М., 2020. С. 166
N. Pianciola	1931–1933	Более 1,5 млн (из них 1,3 казахов)	<i>Pianciola N.</i> Famine in the steppe. The collectivization of agriculture and the Kazakh herdsmen 1928–1934 // Cahiers du monde russe. 2004. Vol. 45, no. 1–2. P. 137–192; <i>Пьянчиола Н.</i> Казахские пастухи между коллективизацией и голодом, 1928–1934 гг. // Казахстан и Россия: общества и государства. М., 2004. С. 113
И. Огайон	1931–1933	1,15–1,42 млн казахов	<i>Огайон И.</i> Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 гг.). Алматы, 2009. С. 206; <i>Ohayon I.</i> The Kazakh Famine: The Beginnings of Sedentarization // Mass Violence & Résistance. 2013. 28 Sept. URL: https://clck.ru/33P6B2 (дата обращения: 10.01.2022)
С. Акимбеков	1931–1933	Не менее 1 млн казахов	<i>Акимбеков С.</i> Казахи между революцией и голодом. Алматы, 2021. С. 487
Н. А. Ивницкий	1930–1934	Около 2,5 млн	<i>Ивницкий Н. А.</i> Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009. С. 240
Т. Омарбеков	1930–1933	3379, 5 тыс. (с беженцами)	<i>Омарбеков Т.</i> Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги (1930–1933 гг.): хрестоматия. Алматы, 2011. С. 9; Казахстан тарихынын XX гасырдагы озекти маселелери. Комекши оку куралы. Алматы, 2003

Продолжение таблицы

Автор	Годы	Людские потери	Источник информации
А. П. Козлов	1932–1933	От 1 млн до 1,5 млн	<i>Козлов А. П.</i> Социально-экономические преобразования, осуществленные в казахском доколхозном ауле во второй половине 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12, ч. 1. С. 118–122
С. Максудов	1931–1933	1550 тыс.	<i>Maksudov S.</i> Миграции в СССР в 1926–1939 годах // <i>Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants</i> , 1999. Vol. 40, no. 4. P. 770, 772
З. Е. Кабульдинов	1931–1933	Почти 2 млн	<i>Кабульдинов З. Е.</i> Казахский голодомор и особенности пребывания казахов-откочевников в Сибири. (Начало 30-х годов XX века) // Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане... С. 54
Е. Б. Сыдыков	1930–1933	2150 тыс.	<i>Сыдыков Е. Б.</i> Гонимые голодом: сб. документов. Семей, 2010. С. 4
М. Х. К. Асылбеков, А. Б. Галиев		1610 тыс.	<i>Асылбеков М. Х. К., Галиев А. Б.</i> Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). Алма-Ата, 1991. С. 110
Асылбеков М. Х.	1930–1933	2,5 млн	<i>Асылбеков М. Х.</i> Внешняя миграция и ее влияние на структуру населения Казахстана в XX в. // Уроки отечественной истории и возрождение казахского общества: материалы науч. сессии ученых Министерства науки — Академии наук Республики Казахстан, посвященной году народного единства и национальной истории. Алматы, 4 июля 1998 г. Алматы, 1999. С. 46
К. Алдажуманов	1930–1933	2,1 млн	<i>Татия К.</i> Нужна ли Казахстану политическая оценка голода 1930-х гг.? // <i>Central Asia Monitor</i> . 2017. 31 мая. URL: https://clck.ru/33P3vb (дата обращения: 18.01.2022)
М. Татимов		2,3 млн	<i>Тәтімов М.</i> Қазақ әлемі. Алма-Ата, 1993. Б. 10
С. Коткин	1931–1933	1,2–1,4 млн	<i>Kotkin S.</i> Stalin. Waiting for Hitler, 1929–1941. New York, 2017. P. 81
Н. Верт	1932–1933	1,3–1,5 млн	<i>Werth N.</i> Food Shortages, Hunger and Famines in the USSR, 1928–33 // <i>East/West: Journal of Ukrainian Studies</i> . 2016. № 2. P. 35

Окончание таблицы

Автор	Годы	Людские потери	Источник информации
В. В. Кондрашин	1932–1933	1 млн	<i>Кондрашин В. В.</i> Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2018. С. 359
О. Воловина	1932–1933	1,3 млн	<i>Wolowyna O.</i> Demographic Framework for the 1932–1934 Famine in the Soviet Union // <i>Journal of Genocide Research</i> . 2020. Vol. 23, no. 4. P. 501–526
В. Б. Жиромская	1932–1933	Не менее 1 млн	<i>Жиромская В. Б.</i> Голод 1932–1933 гг.: Людские потери // Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. / отв. ред. В. В. Кондрашин. Т. 3: Лето 1933–1934. М., 2013. С. 667

Данные таблицы показывают очень широкий диапазон оценок потерь населения Казахской АССР от голода. Такой разброс можно объяснить долгим сокрытием в советских архивах статистической информации, затем ограниченным доступом к демографической статистике, что делало невозможным проведение исследований. Когда архивы открылись, выяснилось, что агрегированная статистика по населению первой половины 1930-х гг. практически отсутствует. С. Уиткрофт полагает, что статистическая система в это время в Казахстане была практически дезорганизована, однако на районном уровне регистрация смертности могла существовать, но соответствующие документы нужно обнаружить²⁸. Осложняет выявление документов происходивший в эти годы процесс постоянного административно-территориального деления (23 июля 1930 г. постановлением ВЦИК было ликвидировано окружное и введено районное деление)²⁹, при этом подготовленных специалистов органов статистики не хватало. Кроме того, не были организованы ЗАГСы для кочевого населения, не было учета откочевавшего населения. Оценки потерь, представленные в таблице, нельзя считать исчерпывающими, да и обоснованность, документированность их различны. Часто в публикациях приводятся самые разнообразные цифры, основывающиеся на примерных прикидках и приблизительных расчетах.

Большая часть ученых для определения потерь населения широко использует материалы всесоюзных переписей 1926, 1937 и 1939 гг., анализу подверглись данные за широкий межпереписной период, включавший и период голода. Рассчитывалась разница населения между двумя переписями 1926 и 1937 гг. или 1926 и 1939 гг. Такой подход кажется простым. Однако провести расчеты прямых (избыток смертей) и косвенных (дефицит рождений) потерь населения Казахстана, вызванных голодом, историки не могли. Потери от голода — это не все умершие за указанное время, а их избыток (сверхсмертность), т. е. разница между реальным числом умерших во время голода и их ожидаемым количеством, которое могло бы быть при отсутствии голода. В эту цифру входят не только умершие от голодания, но и от болезней, которые

могли быть связаны с плохим питанием. Помимо этого, с 1928 г. в Казахстане начались откочевки, которые не входят в демографические потери. Отсутствие репрезентативных данных по миграции, особенно по откочевкам населения за пределы республики, не позволяет отделить их от прямых потерь. Более достоверную оценку миграции населения, как считает С. Максудов, возможно получить, сравнивая результаты переписи 1926 г. со сведениями о национальном составе региона в переписях 1937 и 1939 гг.³⁰ Однако и в данном случае встает проблема полноты отражения в сведениях переписей населения Казахстана 1926, 1937 и 1939 гг. Так, В. А. Тишков полагает, что уменьшение численности казахов с 1926 до 1937 г. на 27,9% связано с эмиграцией в Китай и, возможно, с перезаписью их в киргизы (до этого казахов называли киргизами, а киргизов — кара-киргизами)³¹.

Таким образом, оценка потерь населения Казахстана в результате голода остается актуальной проблемой. Одновременно с дискурсом о потерях населения в центр внимания историков вышла идея отрыва казахстанского голода от общесоюзного, его сепарация, что привело к противопоставлению голода в автономной республике голоду в РСФСР. Сформировалась концепция о различном характере этих двух-трех голодов (включая Украинскую ССР).

На основе авторских разработок (так формулируют вывод украинские демографы О. П. Рудницкий и А. Б. Савчук) в абсолютном измерении самыми высокими в 1932–1934 гг. прямые демографические потери были в Украине, России и Казахстане, а в относительном — в Казахстане, Украине, Приднестровье и России. Авторы, используя метод определения численности населения, когда из общего числа смертей вычитаются те, которых без голода не случилось бы, оценили избыточную смертность Казахстана («прямые потери») за 1932–1934 гг. в 1,3 млн чел. и численность не рожденных в эти годы детей («непрямые потери») в 228 тыс. чел. К сожалению, они не дают ссылок на источники информации, используемой для своих расчетов³². По их данным, относительные потери Казахстана составили 22,4% населения, а Украины — 12,9%. При этом потери от голодной смерти в затронутых областях России (Поволжье, Кубань, Северный Кавказ) сопоставимы с казахскими, доходя в некоторых районах до 30%. Учитывая, что главными жертвами голода оказалось во всех пострадавших районах сельское население, в Казахстане эта трагедия серьезно повлияла на этнический состав населения³³.

Оценка голода как геноцида существенно повлияла на оценку жертв казахстанской трагедии в сторону ее завышения. Отсюда и оценки численности жертв голода давались с большой разницей в цифрах. В этом отношении интересно мнение американца С. Коткина, отметившего в своей последней монографии, что голод не был преднамеренным. Погибли от голода и болезней «не потому, что режим преследовал казахов по этническому признаку, а потому, что политика режима там заключалась в принудительной деномадизации. Точно так же не было никакого и украинского голода; голод был советский»³⁴.

Исследовательская ситуация усложняется тем, что почти общепризнанный период голода 1932–1933 гг. в СССР определяется историками для Казахской АССР по-разному, предлагаются различные и более длительные

хронологические рамки. В заключении Комиссии по изучению нормативных и правовых актов, приведших к голоду во время коллективизации, хронология разыгравшейся трагедии была определена 1932–1933 годами³⁵. По мнению английских историков Р. Дэвиса и С. Уиткрофта, голод в Казахстане продолжался с конца 1931 до лета 1933 г.³⁶ Изменение численности населения Казахстана с 1930 по 1936 г., по данным налоговой отчетности, показало большое падение общей численности населения и массовый рост городского населения. Максимальное падение численности населения (26 % в год) происходило в течение 12 месяцев, до июня 1932 г., и совпало с еще большим падением сельского населения на 37 %. Это говорит о результате влияния казахского голода, имевшего место в 1931–1932 и в 1932–1933 гг., который был намного серьезнее, чем голод на Украине³⁷. Такой же хронологии придерживаются итальянский историк Н. Пьянчиола, американка С. Камерон. Французский историк Изабель Огайон ограничивает голод 1932–1933 гг. Немецкий историк Р. Киндлер расширяет границы голода с 1931 по 1934 г. Историк Т. Омарбеков считает, что голод охватил республику в 1930–1933 гг.³⁸ Часть казахстанских историков предлагают более широкие рамки — 1928–1934 гг. Б. Аяган, директор Института истории государства, рассматривает 1934 г. как последний год голода. Такие же хронологические рамки установил коллектив авторов сборника документов «Ашаршылык. Голод. Документальная хроника». Первый том открывает публикация документов о джуге 1927–1928 гг., недороде хлебов в 1928 г. и начавшемся голоде в Джаркентском уезде³⁹.

Разные мнения историков о длительности разразившейся катастрофы соответственно по-разному определяют масштабы людских потерь. Цифру погибших некоторые исследователи определяют умозрительно, исходя из собственной убежденности и политической целесообразности. Чаще всего количественные параметры последствий голода складываются с учетом основных потерь — это количество умерших и мигрировавших за пределы республики. Казахстанские демографы и историки Ж. Б. Абылхожин, М. К. Козыбаев и М. Б. Татимов в 1989 г. обнародовали цифру 1750 тыс. чел., а затем М. Б. Татимов увеличил ее до 2020 тыс. погибших, 1030 тыс. откочевавших, в том числе 616 тыс. безвозвратно. М. Х. Асылбеков, увеличив цифру прямых потерь до 2,5 млн погибших, повторил количество безвозвратно откочевавших. Ситуация о количестве выехавших за пределы Казахской АССР из-за голода остается неясной как по численности уехавших казахов за пределы СССР, так и в сопредельные территории.

По данным архивных документов (Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 141. Казахский краевой комитет ВКП(б)), известно, что за период с 1929 по 1933 г. из республики бежали 1130 тыс. чел.⁴⁰ Ж. Талдыбаев, изучавший архивы госбезопасности, называет близкую к этому цифру⁴¹.

Известный и авторитетный историк экономики С. Уиткрофт считает, что бегство голодающих было гораздо масштабнее, чем при других советских коллективизационных голодоморах. Во время подготовки к переписи 1937 г. некоторые чиновники в Казахстане даже использовали это бегство как способ скрыть существование голода. Они полагали, что резкое сокращение населения

республики можно объяснить тем фактом, что очень много казахов эмигрировало на работу в другие республики в период первой сталинской пятилетки.

По любым общепринятым научным меркам число погибших во время казахского голода было ужасающим. Точная оценка может зависеть от детальной работы с данными о казахском населении в других союзных республиках, а также в Синьцзяне. Эта работа будет включать в себя учет тех, кто бежал и обрел постоянное место жительства на новом месте, и тех, кто погиб в пути или местах, куда добрался. Дальнейшая работа с этими статистическими данными может также помочь ответить на вопрос: голод или болезни были основной причиной смерти во время казахского голода?

В 2013 г. С. Уиткрофт, в то время работавший в Назарбаев Университете в Астане, начал международный проект, в котором предлагалось собрать данные о различных показателях голода (таких как рождаемость, смертность, миграция и уровень заготовок сельскохозяйственной продукции) из практически ранее не используемых источников, в первую очередь статистических, из республиканских и региональных архивов Казахстана, России и Китая. Используя выявленные данные и методы, такие как исторические географические информационные системы (ГИС) или электронное картографирование, Уиткрофт и его команда (с российской стороны были приглашены В. В. Кондрашин, Г. Е. Корнилов, В. А. Исупов, В. А. Ильиных) планировали рассчитать смертность от голода в Казахстане с гораздо большей степенью точности, чем в предыдущих исследованиях. Такое исследование помогло бы выявить и проанализировать региональные различия в уровнях смертности, что имеет особое значение, учитывая огромные размеры Казахстана⁴². К сожалению, проект не состоялся.

Также С. Уиткрофт неоднократно говорил о необходимости при исследовании голода в СССР и, в частности, в Казахстане уделять большее внимание экономическим объяснениям. В рецензии на книгу Э. Эпплбаум «Красный голод. Война Сталина с Украиной» он писал, что автор больше заинтересована в том, чтобы попытаться понять чувства и эмоции тех людей, которые пережили трагедию голода, чем разобраться в сложных продовольственных проблемах того времени или дать критическое социально-научное объяснение того, что произошло. Виктимность не обязательно приводит к улучшению понимания⁴³. Работу С. Камерон он оценивает, как не очень оригинальную и порой противоречивую. Она мало говорит об экономических причинах голода, повторяет ошибки других комментаторов советского голода, недооценивая роль экономических факторов и ошибочные оценки продовольственной проблемы⁴⁴. Кроме того, книгу С. Камерон раскритиковал Д. Верхотуров за крайне фрагментарное использование документов, выборочное их цитирование, почти полное отсутствие статистики⁴⁵. Нельзя не согласиться с мнением С. Уиткрофта и пора вернуться к тому, чтобы уделять больше внимания экономическим объяснениям демографической катастрофы в Казахстане.

Третья дискуссионная проблема, связанная и с хронологическими рамками голода, и с потерями населения, — это определение масштабов миграций

из Казахстана, вызванных голодом. Историография и зарубежная, и казахстанская многочисленна, однако не дает однозначной оценки по этому вопросу.

Количество выехавших за пределы Казахской АССР в период голода оценивается в 1 млн чел. Первым отметил высокую миграционную зависимость казахов от интенсификации голода В. П. Данилов⁴⁶. И. Е. Зеленин, ссылаясь на данные Политсектора машинно-тракторных станций Казахстана, писал, что за 1932–1933 гг. откочевало 400 тыс. казахских хозяйств (не менее 2 млн чел.). Скорее всего, это относилось ко всем ушедшим со своих мест обитания⁴⁷. Ж. Б. Абылхожин, М. К. Козыбаев, М. Б. Татимов в упоминаемой статье о «казахстанской трагедии» называют цифру 1030 тыс. откочевавших⁴⁸. Е. Б. Сыдыков говорит о 1030 тыс. чел., эмигрировавших из Казахстана, из которых не возвратилось 616 тыс.⁴⁹ Г. М. Мендикулова, оценивая трагические события как этноцид, пишет об уходе 1,03 млн уцелевшего населения на соседние территории в Россию, Узбекистан, Туркменистан, Каракалпакию и Киргизию. Из них, по ее подсчетам, 616 тыс. откочевали безвозвратно, в том числе около 200 тыс. чел. ушли в Китай, Иран, Афганистан⁵⁰. О потоке внешней миграции казахов (во времена коллективизации и проводившейся седентаризации) в 1130 тыс. чел., из них безвозвратно — 676 тыс. чел., сообщают М. Х. Асылбек и Ж. М. Асылбекова⁵¹.

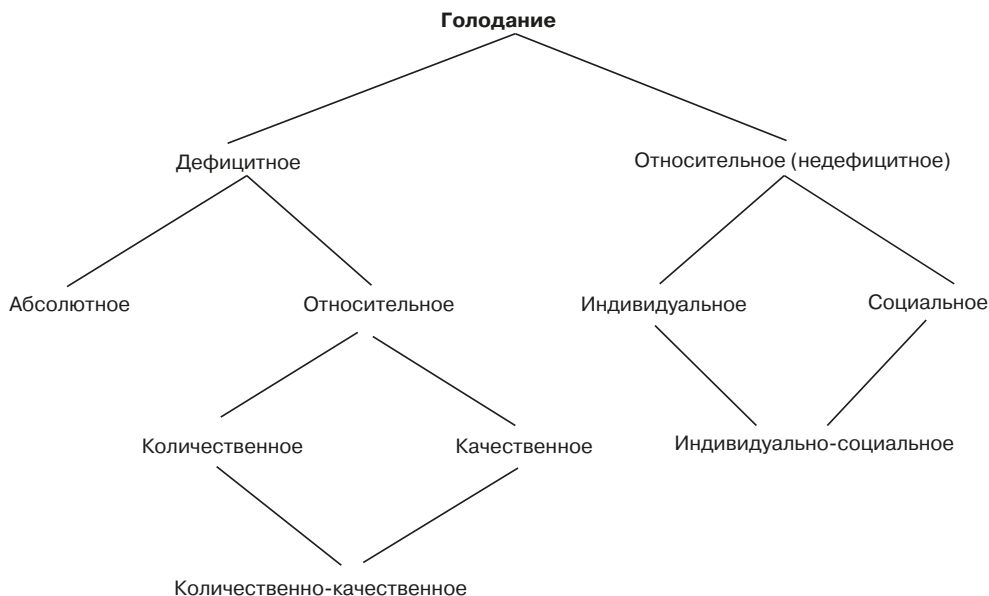
В исследованиях Н. Н. Аблажей, Б. К. Альжаппаровой, З. Е. Кабульдинова, Б. С. Сарсенбаева, посвященных изучению откочетов казахов в Западную Сибирь, Киргизию, приводятся разные сведения о мигрантах; основное внимание уделяется проблемам бегства как спасения от голодной смерти, адаптации мигрантов и их трудоустройства, тяжелым материально-бытовым условиям. З. Е. Кабульдинов трактует массовые откочевки как одну из форм коллективного протеста и сопротивления казахов политике строительства колхозов и единственно правильным выходом с целью избежать голодной смерти. С другой стороны, он отмечает, что изучение русского языка, получение образования, овладение новыми рабочими специальностями, самоотверженный труд помогли казахам адаптироваться на новом месте. М. М. Козыбаева исследовала социально-экономическое положение переселенцев в Западную Сибирь, формы адаптации к местным формам хозяйствования, при этом она зафиксировала тяжелое, порой бедственное положение казахов в новых местах⁵².

Отдельный раздел монографии В. В. Кондрашина посвящен миграциям казахов-отходников в Поволжье, на Южный Урал и в Западную Сибирь⁵³. Казахская АССР на севере примыкала к Уральской области (в январе 1934 г. разделась на Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую), на западе — к Средневожскому краю (в декабре 1934 г. из его состава вышла Оренбургская область). Урал, ставший гигантской промышленной стройкой с конца 1920-х гг., принял большое количество бежавших от голода казахов. В голодные 1932–1933 гг. руководство Оренбургского, Адамовского, Илекского, Ташлинского, Беляевского и других районов неоднократно рассматривало вопросы о снабжении питанием казахов, переселившихся в Оренбуржье. В Адамовском районе был создан комитет по «оседанию» казахского населения⁵⁴. В результате на Южном Урале осело достаточно большое количество казахов. По

данным переписи населения 1939 г., 28,7 тыс. казахов проживали в Челябинской области. В Чкаловской (Оренбургской) области их численность возросла с 21 тыс. чел. в 1926 г. до 71,4 тыс. чел. в 1937 г. Перепись 1939 г. показала, что 3,2% от всех казахов проживали в СССР и 28,1% — в РСФСР. Казахский язык считали родным 99,1% казахов в Оренбуржье и 97,1% — в Челябинской области⁵⁵. В. Б. Жиромская обратила внимание на резкое возрастание численности казахов на территории РСФСР: если в 1926 г. их насчитывалось 52 тыс. чел., то в 1937 г. — 300 тыс. чел. Их удельный вес вырос здесь с 0,05 до 0,28% (практически в пять раз). Она считает, что это резкое увеличение произошло за счет миграции казахов⁵⁶. Сложность подсчета ушедших в регионы СССР и за границу и затем вернувшихся составляет главную проблему в оценке численности людей, погибших от голода в автономной республике.

Существенные разночтения в трактовке истории голода в Казахстане, на мой взгляд, состоят в том, что авторы строят свои исследования на различных методологических подходах. Полагаю, что наибольшие результаты могут быть получены при использовании методологии, предложенной выдающимися учеными Питиримом Сорокиным и Комраком О'Градой.

Впервые в мировой науке П. А. Сорокин в начале 1920-х гг., будучи еще в Советской России, сформулировал определение голода и выделил его формы, которые можно структурировать в следующем виде (рисунок)⁵⁷. С использованием методики, предложенной П. А. Сорокиным, возможна реконструкция исторических голодовок, в частности выявление факторов и масштабов голода.

Под *дефицитным* голоданием он понимал поступление в человеческий организм пищи, не содержащей в нужном количестве элементов, которые требуются для покрытия всех расходов организма и правильного функционирования последнего. В соответствии с этим дефицитное голодание распространяется на абсолютное и относительное голодание. Абсолютное голодание — это полное прекращение поступления пищи в организм человека. Относительное голодание он разделил на количественное и качественное. Количественное относительное голодание — это состояние, когда поступление пищи в организм осуществляется в недостаточном количестве. Качественное — нехватка в пище тех или иных веществ, необходимых для жизнедеятельности организма. Количественная сторона пищи измеряется ее калорийностью, а качественная — наличием в ней белков, жиров и углеводов, витаминов и аминокислот и т. п.

Случаи, когда отдельный индивид или целое общество сами ограничивают себя в пище, П. А. Сорокин назвал голоданием *сравнительным* или *недефицитным*. Примерами такого вида голодания могут служить голодовки в знак протеста против чего-либо, религиозные посты и пр.

Отсюда достаточно точным показателем, по крайней мере социально-относительного, голодания в обществе служила величина его имущественной дифференциации. Индивидуально-относительное голодание включало уменьшение количества и ухудшение качества пищи в рационе конкретного индивида. В современной историографии используется также понятие «латентного голода», включавшего хроническое недоедание, белковое и витаминное голодание.

Если П. А. Сорокин разработал интенциональное определение голода, то современный историк К. О'Града представил экстенциональное определение: нехватка продовольствия или покупательной способности приводит к избыточной смертности от голода или болезней, вызванных голодом. Он указал, что голод может быть вызван либо производственными проблемами (нехваткой продовольствия), либо проблемами распределения (отсутствием покупательной способности или «права» на ресурсы)⁵⁸.

Голод приобретал различные формы. Региональная специфика голода была обусловлена его проявлениями в абсолютной и латентной формах, временными и территориальными границами, последствиями для населения и экономики.

Голодовки, голод представляют сложный и многогранный предмет исследования. Это выдвигает особые требования к исторической реконструкции картины голода. Важнейшим условием ее реализации является создание достоверной и репрезентативной источниковой базы. Для установления причин и факторов голодовок необходимо, во-первых, выяснить уровень аграрного состояния региона и продовольственного обеспечения населения; во-вторых, определить роль субъективных факторов, в том числе методов аграрной политики, объемов заготовок, а для периода 1930-х гг. темпов коллективизации, раскулачивания, методов заготовительных кампаний; в-третьих, выявить трудности, возникшие при смене хозяйственного уклада в процессе аграрной модернизации; в-четвертых, установить неблагоприятные для сельского хозяйства природно-климатические условия, обусловившие низкие урожаи.

Исследование реальной обстановки с продовольствием позволит выявить формы голодовок, географию и хронологию голода. В связи с этим источниковая база должна охватить сельскохозяйственное производство, распределение и потребление продовольствия, демографическую ситуацию, аграрную и продовольственную политику.

Об истинных масштабах голода позволяют судить, прежде всего, негативные явления в демографическом развитии (снижение рождаемости, увеличение смертности (сверхсмертность), отрицательный естественный прирост населения).

Казахстанские, российские и зарубежные исследователи проделали значительную работу по изучению истории голода начала 1930-х гг. в Казахской АССР, все исследователи истории Казахстана первой половины 1930-х гг. утверждают о произошедшей демографической катастрофе. Однако до настоящего времени в историографии отсутствует обобщающая работа о влиянии голода на сокращение населения в КазАССР, не решены проблемы демографических потерь, размеры миграций населения, и даже по хронологическим рамкам голодной катастрофы в Казахстане нет единого мнения. Для прекращения подобного дрейфа необходимы новые фундаментальные исследования с использованием новых исторических документов.

¹ Кондрашин В. В.: 1) Голод 1932–1933 гг. в российской деревне. Пенза, 2003; 2) Голод 1932–1933 годов — общая трагедия народов СССР // Известия Пензенского государственного университета им. В. Г. Белинского. 2009. № 15. С. 117–120; 3) Голод 1932–1933 годов в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР: сб. статей / науч. ред. В. В. Кондрашин. М., 2011. С. 8–57; 4) Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд. М., 2018. С. 331–359; 康德拉辛 (Кондрашин В. В.). 1920年代末—1930年代におけるソヴィエト国家の農業政策の地域的民族的特殊性 (ウクライナ、カザフスタン、ロシアの諸地域を例に) (Региональные и национальные особенности аграрной политики Советского государства в конце 1920-х — 1930-е годы (на примере регионов Украины, Казахстана и России). 東京 2019年 (Токио, 2019). (На яп. яз.); и др.

² Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. / отв. ред. В. В. Кондрашин. Т. 1: 1929 — июль 1932: в 2 кн. М., 2011; Т. 2: Июль 1932 — июль 1933. М., 2012; Т. 3.: Лето 1933–1934. М., 2013.

³ См.: Там же. Т. 1, кн. 1. С. 94, 99, 100–101, 104, 114, 144, 155–156, 200–228, 259–260, 263–264, 268–270, 288–289, 321–325, 333–338, 359–368, 370–371, 408, 421, 422, 438, 461, 462, 467–468, 479–481, 491, 505, 510–514, 546, 563–565, 590–594.; Т. 1, кн. 2. С. 21, 38–39, 42–44, 48, 118–139, 206–208, 211–212, 217–218, 222, 226, 236, 250, 262, 263–265, 269–282, 302–303, 311–312, 318; Т. 2. С. 142–144, 150, 205, 206–208, 218–221, 236, 245–247, 290–291, 310–311, 320, 342, 357, 403–404, 422–423, 428–435, 617–642; Т. 3. С. 58, 117, 137, 142–144, 160–161, 168, 216–217, 223, 230–231, 241–243, 301, 424–440.

⁴ Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 53–71.

⁵ Козыбаев М. К., Абылхожин Ж. Б., Алдажуманов К. С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992.

⁶ Там же. С. 57, 62–63.

⁷ Татимов М. Б.: 1) Развитие народонаселения и демографическая политика. Алма-Ата, 1978. С. 114; 2) Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата, 1989. С. 124.

⁸ Асылбеков М. Х. К., Галиев А. Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). Алма-Ата, 1991. С. 10.

- ⁹ Казахстанская правда. 1992. 22 дек.
- ¹⁰ *Алексеевко А. Н.* Демографические последствия голода в Казахстане начала 30-х годов (оценка потерь казахского этноса) // Демоскоп Weekly. 2003. № 101–102. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0101/analit02.php> (дата обращения: 01.02.2022).
- ¹¹ *Губайдуллин О.* Степной голодомор // Караван. 2009. № 2. 9 янв. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/stepnoj-golodomor-53379/> (дата обращения: 01.02.2022).
- ¹² *Аккулы С.* Голод 1932–1933 гг. истребил казахов на 70 %, сократив с 7,2 миллионов до 2! // Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане: вопросы историографии и подходы к исследованию проблемы (к 80-летию трагедии). Астана, 2014. С. 144–145.
- ¹³ См.: *Омарбеков Т.* Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги (1930–1933 гг.): хрестоматия. Алматы, 2011. С. 5; Трагедия казахского народа: сб. документов и материалов: голод 20-х, 30-х гг. XX в. в Казахстане. Алматы, 2010; *Татимов М., Татимова М.* Трагедия великой степи // Мысль. 2009. № 6. С. 55–60; *Михайлов В. С.* Хроника великого джуга. Алматы, 1996; и др.
- ¹⁴ См.: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Организация Объединенных Наций: [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/genocide.shtml (дата обращения: 01.02.2022).
- ¹⁵ См.: Взгляд немецкого историка на голод в Казахстане // Azattyq Ryhy: [сайт]. URL: <https://rus.azattyq/a/kindler-interview-hunger-kazakhstan/25372161.html> (дата обращения: 21.01.2022).
- ¹⁶ S. Res. 435 — A resolution expressing the sense of the Senate that the 85th anniversary of the Ukrainian Famine of 1932–1933, known as the Holodomor, should serve as a reminder of repressive Soviet policies against the people of Ukraine // Congress.gov: [сайт]. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-resolution/435> (дата обращения: 01.02.2022).
- ¹⁷ The Wall Street Journal. 2018. 1 Nov.
- ¹⁸ См.: *Грозин А. В.* Голод 1932–1933 годов и политика власти в Республике Казахстан. М., 2014.
- ¹⁹ Was the famine of 1932–33 in Kazakhstan a genocide? // In Defense of Communism: [сайт]. URL: <https://www.idcommunism.com/2019/03/was-the-famine-of-1932-33-in-kazakhstan-a-genocide.html> (дата обращения: 22.02.2022).
- ²⁰ *Попова В.* «Голодомор» в Казахстане — оружие межэтнических конфликтов // E-News: [сайт]. URL: <https://clck.ru/33P4bY> (дата обращения: 15.01.2023); *Курманов А.* «Ашаршылық». Кто и зачем устраивает пляски на костях погибших во время голода и реабилитирует нацистов в Казахстане // Информационное агентство News-Front: [сайт] URL: <https://clck.ru/33P4b4> (дата обращения: 15.01.2023); *Байхожа Ж.* Массовый голод 1930-х в Казахстане: а был ли геноцид? // Central Asia Monitor: [сайт] URL: <https://clck.ru/33P4d7> (дата обращения: 15.01.2023).
- ²¹ *Попова В.* Наша история // Ритм Евразии: [сайт]. 19.12.2020. URL: <https://clck.ru/33otgY> (дата обращения: 11.02.2022).
- ²² *Мамашулы А.* «С оглядкой на Россию». Что говорят эксперты о заявлении Ашимбаева о Голоде? // Радио Азаттык: [сайт]. 21.02.2022. URL: <https://clck.ru/33otju> (дата обращения: 22.02.2022).
- ²³ Ашаршылық. Голод. 1928–1934. Документальная хроника: сб. документов: в 3 т. / отв. ред. Б. Абдыгалиулы. Т. 1. 1928–1929; Т. 2. 1930–1931; Т. 3. 1932–1934. Алматы, 2021.
- ²⁴ *Wheatcroft S. G.* Голод в Казахстане и на Украине // Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане... С. 190.
- ²⁵ *Ellman M.* Stalin and the Soviet Famine of 1932–33 Revisited // Europe-Asia Studies. 2007. Vol. 59, no. 4. P. 663–693.
- ²⁶ Regional variations of 1932–34 famine losses in Ukraine / O. Wolowyna, S. Plochy, N. Levchuk et al. // Canadian Studies in Population. 2016. Vol. 43, nos 3–4. P. 175–202.
- ²⁷ *Markevich A., Naumenko N., Qian N.* The Soviet Great Famine, 1932–33 // Trinity College Dublin: [сайт]. URL: https://www.tcd.ie/Economics/assets/pdf/Seminars/20202021/Nancy_Qian_29Sept20.pdf (дата обращения: 21.01.2022).
- ²⁸ *Уиткрофт С.* Голод в Казахстане и на Украине // Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане... С. 182–183.

- ²⁹ Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (август 1920 — декабрь 1936 г.). Алма-Ата, 1959. С. 209.
- ³⁰ *Maksudov S.* Миграции в СССР в 1926–1939 годах // *Cahiers du monde russe.* 1999. 40/4. P. 763–796.
- ³¹ *Тишков В. А.* Демографические «голодоморы» // Валерий Тишков: [сайт]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publikacii/demografic.html (дата обращения: 15.02.2022).
- ³² *Rudnytskiy O., Levchuk N.* Famine Losses in Ukraine in 1932 and 1933 within the Context of the Soviet Union // *Famines in European Economic History / Eds D. Curran et al.* New York, 2015. P. 208, 210.
- ³³ *Рудницький О. П., Савчук А. Б.* Голод 1932–1933 рр. в Україні у демографічному вимірі // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): матеріали Міжнар. наук. конф. Київ, 2013. С. 285.
- ³⁴ *Kotkin S.* Stalin. Waiting for Hitler, 1929–1941. New York, 2017. P. 81.
- ³⁵ Казахстанская правда. 1992. 22 дек.
- ³⁶ *Дэвис Р., Уиткрофт С.* Годы голода. Сельское хозяйство СССР. 1931–1933. М., 2011. С. 414–416.
- ³⁷ *Уиткрофт С.* Краткая записка о размере и распространении великого голода в Казахстане // Голод в Казахстане: трагедия народа и уроки истории: сб. материалов междунар. конф. Астана, 2012. С. 93.
- ³⁸ *Омарбеков Т.* Голодомор в Казахстане...
- ³⁹ Ашаршылық, Голод. 1928–1934. Т. 1. 920 с.
- ⁴⁰ См.: Левон Мирзоян в Казахстане: сб. документов и материалов (1933–1938 гг.) / отв. ред. Л. Д. Дегитаева. Алматы, 2001. С. 292 (примеч. 6).
- ⁴¹ *Талдыбаев Ж.:* 1) Аштықтан келген демографиялық апат // *Abai.* 2000. № 1. С. 28–33; 2) Казахский народ: демография истории переселения (1926–1959 гг.) // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2016. № 1. URL: https://edu-e--history-kz.translate.goog/kz/publications/view/414?_x_tr_sl=kk&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 21.02.2022).
- ⁴² *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 гг. — общая трагедия народов СССР: национально-региональный аспект // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI междунар. конф., Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 201.
- ⁴³ *Wheatcroft S. G.* The Turn Away from Economic Explanations for Soviet Famines // *Contemporary European History.* 2018. Vol. 27, no. 3. P. 465–469.
- ⁴⁴ *Wheatcroft S. G.* The Complexity of the Kazakh Famine: Food Problems and Faulty Perceptions // *Journal of Genocide Reserch.* 2021. Vol. 23, no. 4. P. 593–597.
- ⁴⁵ Верхотуров Дмитрий. Интервью. «Голословно, выборочно и неграмотно» — российский историк о книге «Голодная степь. Голод, насилие и создание Советского Казахстана» // *AsiaIs — Новости Азии.* 31.07.2020. URL: <https://asiais.ru/society/29613.html> (дата обращения: 11.02.2022).
- ⁴⁶ *Данилов В. П.* Дискусии в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и демографической катастрофе 30–40-х годов // *Вопросы истории.* 1988. № 3. С. 116–122.
- ⁴⁷ *Зеленин И. Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа коллективизации // *История СССР.* 1989. № 2. С. 6.
- ⁴⁸ *Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б.* Казахстанская трагедия. С. 53–67.
- ⁴⁹ *Сыдыков Е. Б.* О некоторых аспектах проблемы голода в Казахстане в контексте миграции казахского населения за пределы республики // Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане... С. 9–21.
- ⁵⁰ *Мендикулова Г. М.* Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развитие. Алматы, 1997. С. 29.
- ⁵¹ *Асылбек М. Х., Асылбекова Ж. М.* Население Казахстана между всесоюзными переписями населения 1926 и 1939 гг. // Институт истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова: [сайт]. URL: <https://iie.kz/?p=4615> (дата обращения: 30.01.2022).
- ⁵² *Аблажей Н. Н.* Эмиграционные последствия голода начала 1930-х гг. для Казахстана // *История сталинизма: крестьянство и власть.* М., 2011. С. 198–205; *Альжанпарова Б. К.* Из истории откочевков в Центральном Казахстане (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) // Элек-

тронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2019. № 3. URL: <http://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/85/38> (дата обращения: 30.01.2022); *Кабульдинов З. Э.* Голод среди казахов и массовые откочевки населения в начале 30-х годов XX века // QAZAQSTAN TARIHY: [сайт]. URL: <https://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9239> (дата обращения: 30.01.2022); *Сарсенбаев Б. С.* Помощь Кыргызстана казахам в период голода 1932–1933 гг. // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15, № 3. С. 80–84.

⁵³ *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 360–366.

⁵⁴ *Корнилов Г. Е.* Документы российских архивов о голоде казахского населения в начале 1930-х годов // Казакстан мурагаттары. 2013. № 3 (27). С. 51–63.

⁵⁵ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сб. материалов. Екатеринбург, 2002. С. 186, 187, 238, 239.

⁵⁶ *Жиромская В. Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 81, 85, 86.

⁵⁷ *Сорокин П. А.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003. С. 22.

⁵⁸ *O'Grada C.* Famine: A Short History. Princeton, 2009. P. 4.

Статья поступила в редакцию 22 февраля 2022 г.

Рекомендована к печати 20 октября 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Корнилов Г. Е. Голод в Казахской АССР в 1930-е годы: историографический дрейф // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 1. С. 99–121.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.107>

Аннотация: Голод в СССР начала 1930-х гг. как исторический факт не сходит со страниц научных журналов в последние 30 лет, особенно активно действуют СМИ на Украине и в Казахстане. В статье анализируются научные работы по истории голода в Казахстане казахстанских и зарубежных (российских, украинских, американских, итальянских и германских) ученых. При этом особая публикационная активность заметно фиксировалась в первой половине 1990-х гг., новый всплеск интереса к теме появился в 2010-е гг., особенно среди западноевропейских и американских историков. В Казахстане он продолжается до сегодняшнего дня и все больше приобретает политический оттенок. Часть казахских историков трактуют ашаршылык (по-казахски — голод) как голодомор, т. е. дрейф в сторону украинской трактовки голода как геноцида, этноцида казахского народа. Особенностью публикаций по теме является игнорирование их авторами опубликованных исторических документов по теме, описательный метод исследования, когда основной упор делается на перечислении страданий голодавших. В статье основное внимание уделено анализу трех дискуссионных вопросов: времени голодной катастрофы, людским потерям и массовому переселению населения. Историографическая ситуация такова, что по этим проблемам существуют различные трактовки хронологических рамок, масштабов катастрофы, разнобразные оценки людских потерь и миграции населения (откочевки как результат седентаризации и коллективизации) в автономной республике в условиях голода, нет четкого определения географии голода. Высказано предположение, что это вызвано различными методологическими подходами. Наибольшие результаты в изучении темы, на наш взгляд, возможно получить при использовании подходов, предложенных россиянином П. А. Сорокиным и ирландцем Комраком О'Града. Дальнейшие исследования невозможны без тщательной проработки уже опубликованных документов и одновременно расширения источниковой базы, особенно на областном и районном уровнях, для преодоления историографического дрейфа.

Ключевые слова: историография, голод, Казахстан, СССР, людские потери, миграция.

Сведения об авторе: *Корнилов Г. Е.* — д-р ист. наук, проф., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия); genakorn@mail.ru

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Россия, 620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

FOR CITATION

Kornilov G. E. 'Famine in the Kazak ASSR in the 1930s: A Historiographical Drift', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 1, 2023, pp. 99–121. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.107> (In Russian)

Abstract: The famine in the USSR in the early 1930s as a historical fact has been the focus of scholarly journals over last 30 years; the media are especially active in Ukraine and Kazakhstan. The article analyzes historiography of famine in Kazakhstan by Kazakh and foreign (Russian, Ukrainian, American, Italian and German) scholars. A noticeable increase in special publication activity took place in the first half of the 1990s; a new surge of interest in the topic emerged in the 2010s, especially among Western European and American historians. In Kazakhstan, it continues to this day and is increasingly acquiring a political connotation. Some Kazakh historians interpret *asharshylyk* (famine in Kazakh) as famine, that is, following the Ukrainian interpretation of famine as genocide, ethnocide of the Kazakh people. Such publications are characterized by the neglect of available historical documents on the topic and a descriptive method of research, when the main emphasis is placed on suffering of the starving people. The article focuses on the analysis of three debatable issues: the time of the famine, losses in manpower, and mass resettlement of the population. Currently in historiography there are different interpretations of the chronological framework; the scale of the catastrophe; various estimations of the losses and population migration (migration, as a result of sedentarization and collectivization) in the Autonomous Republic under conditions of famine; there is no clear definition of the geography of famine. The article attributes it to different methodological approaches. The greatest results in the study of the topic can be obtained by means of approaches proposed by the Russian researcher P. A. Sorokin and the Irish scholar Komrak O'Grad. Further research is impossible without a thorough study of the already published documents and expanding the source base.

Keywords: historiography, famine, Kazakhstan, USSR, casualties, migration.

Author: Kornilov G. E. — Dr. Sci. in History, Professor, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); genakorn@mail.ru

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 16, ul. S. Kovalevskoy, Yekaterinburg, 620108, Russia

References:

- Abblazhey N. N. 'Emigration consequences of the famine of the early 1930s for Kazakhstan' in *Istoriia stalinizma: krest'ianstvo i vlast'* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Abylkhozhin Zh. 'Modernization by contradiction', *Expert Kazakhstan*, no. 21 (312), 2011. (In Russian)
- Abylkhozhin Zh. B., Kozybaev M. K., Tatimov M. B. 'Kazakh tragedy', *Voprosy istorii*, no. 7, 1989. (In Russian)
- Abzhanov H. 'Famine of the early 30s of the 20th century in Kazakhstan: Crime and Punishment', *Elektronnyi nauchnyi zhurnal "edu.e-history.kz"*, no. 1, 2022. (In Russian)
- Akimbekov S. *Kazakh between revolution and famine* (Almaty, 2021). (In Russian)
- Akkuly S. 'Famine 1932–1933 exterminated the Kazakhs by 70%, reducing from 7.2 million to 21' in *Golod 1930-kh godov v Ukraine i Kazakhstane: Voprosy istoriografii i podkhody k issledovaniu problemy (k 80-letiiu tragedii)* (Astana, 2014). (In Russian)
- Alekseenko A. N. 'Demographic consequences of the famine in Kazakhstan in the early 30s (assessment of the losses of the Kazakh ethnos)', *Demoscope Weekly*, no. 101–102, 2003. (In Russian)
- Alekseenko A. N. 'Famine in the early 1930s in Kazakhstan (Methodology for determining the number of victims)' in *Istoriicheskaia demografiia: novye podkhody, metody, istochniki* (Moscow, 1992). (In Russian)
- Alekseenko A. N., Alekseenko N. V. *Demographic crises in Kazakhstan. 20th century* (Ust-Kamenogorsk, 2007). (In Russian)
- Alzapparova B. K. 'From the history of migrations in Central Kazakhstan (Late 1920s — Early 1930s)', *Elektronnyi nauchnyi zhurnal "edu.e-history.kz"*, no. 3, 2019. (In Russian)

- Asylbekov M. Kh. 'External migration and its impact on the structure of the population of Kazakhstan in the twentieth century' in *Uroki otechestvennoi istorii i vozrozhdenie kazakhskogo obshchestva* (Almaty, 1999). (In Russian)
- Asylbekov M. Kh., Galiev A. B. *Socio-demographic processes in Kazakhstan (1917–1980)* (Alma-Ata, 1991). (In Russian)
- Cameron S. *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan* (Moscow, 2020). (In Russian)
- Conquest R. 'Harvest of Sorrow', *Novyi Mir*, no. 10, 1989. (In Russian)
- Conquest R. *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine* (New York, 1986).
- Danilov V. P. 'Discussions in the Western press about the famine of 1932–1933. and the demographic catastrophe of the 30–40s', *Voprosy istorii*, no. 3, 1988. (In Russian)
- Davis R., Wheatcroft S. *Years of famine. Agriculture of the USSR. 1931–1933* (Moscow, 2011). (Rus. Ed.)
- Ellman M. 'Stalin and the Soviet Famine of 1932–33 Revisited', *Europe-Asia Studies*, vol. 59, no. 4, 2007.
- Grozin A. V. *The famine of 1932–1933 and the policy of power in the Republic of Kazakhstan* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Ivnitsky N. A. *Famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, Northern Caucasus, Volga region, Central-Black Earth region, Western Siberia, Urals* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Kabul'dinov Z. E. 'Kazakh famine and features of the stay of Kazakh nomads in Siberia (the beginning of the 30s of the 20th century)' in *Golod 1930-kh godov v Ukraine i Kazakhstane: voprosy istoriografii i podkhody k issledovaniu problemy (k 80-letiiu tragedii)* (Astana, 2014). (In Russian)
- Kaziev S. Sh. *Soviet national policy and problems of trust in interethnic relations in Kazakhstan (1917–1991)* [Doctor of History Dissertation] (Moscow, 2015). (In Russian)
- Kindler R. *Stalin's nomads: power and hunger in Kazakhstan* (Moscow, 2017). (Rus. Ed.)
- Kondrashin V. V. *Famine 1932–1933 in the Russian village* (Penza, 2003). (In Russian)
- Kondrashin V. V. 'Famine of 1932–1933 in modern Russian and foreign historiography: a view from Russia' in *Sovremennaiia rossiisko-ukrainskaia istoriografiia goloda 1932–1933 gg. v SSSR* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Kondrashin V. V. 'Famine of 1932–1933 — the common tragedy of the peoples of the USSR: the national-regional aspect' in *Sovetskie natsii i natsional'naia politika v 1920–1950-e gody. Materialy VI mezhdunarodnoi konferentsii* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Kondrashin V. V. 'The famine of 1932–1933 is the common tragedy of the peoples of the USSR', *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, no. 15, 2009. (In Russian)
- Kondrashin V. V. *The famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian village*, 2nd ed. (Moscow, 2018). (In Russian)
- Kornilov G. E. 'Documents of the Russian archives about the famine of the Kazakh population in the early 1930s', *Kazakhstan muragattary*, no. 3 (27), 2013. (In Russian)
- Kotkin S. *Stalin. Waiting for Hitler, 1929–1941* (New York, 2017).
- Kozlov A. P. 'Social-economic transformations in Kazakh pre-kolkhoz aul of the second half of the 1920s', *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12, iss. 1, 2012. (In Russian)
- Maksudov S. 'Migration in the USSR in 1926–1939', *Cahiers du monde russe*, vol. 40, no. 4, 1999. (In Russian)
- Mendikulova G. M. *Historical fate of the Kazakh diaspora: origin and development* (Almaty, 1997). (In Russian)
- Mikhailov V. S. *Chronicle of the great jute* (Almaty, 1996). (In Russian)
- O'Grada C. *Famine: A Short History* (Princeton, 2009).
- Ohayon I. *Sedentarization of Kazakhs of the USSR under Stalin. Collectivization and social changes (1928–1945)* (Almaty, 2009). (In Russian)
- Olkott M. B. 'The Collectivization Drive in Kazakhstan', *Russian Review*, vol. 40, no. 2, 1981.
- Omarbekov T. *Holodomor in Kazakhstan: Causes, Scales and Results (1930–1933)* (Almaty, 2011). (In Russian)
- Pianciola N. 'Famine in the steppe. The collectivization of agriculture and the Kazak herdsmen 1928–1934', *Cahiers du monde russe*, vol. 45, no. 1–2, 2004.
- Pianchola N. 'Kazakh shepherds between collectivization and famine, 1928–1934' in *Kazakhstan i Rossiia: obshchestva i gosudarstva* (Moscow, 2004). (In Russian)
- Rudnytskyi O. P., Savchuk A. B. 'Famine of 1932–1933 in Ukraine in a demographic dimension' in *Golod v Ukraïni u pershii polovini XX stolittia: prichini ta naslidki (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): Materiali Mizhnarodnoi naukovoi konferentsii* (Kyiv, 2013). (In Ukrainian)

- Sarsenbaev B. S. 'Help of Kyrgyzstan to the Kazakhs during the famine of 1932–1933', *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavianskogo universiteta*, vol. 15, no. 3, 2015. (In Russian)
- Sorokin P. A. *Hunger is a factor. The impact of hunger on human behavior, social organization and social life* (Moscow, 2003). (In Russian)
- Sydykov E. B. 'On some aspects of the problem of famine in Kazakhstan in the context of the migration of the Kazakh population outside the republic' in *Golod 1930-kh godov v Ukraine i Kazakhstane: voprosy istoriografii i podkhody k issledovaniyu problemy (k 80-letiiu tragedii)* (Astana, 2014). (In Russian)
- Taldybaev J. 'Demographic disaster from hunger', *Abai*, no. 1, 2000. (In Kazakh)
- Taldybaev J. 'Kazakh people: demography of the history of resettlement (1926–1959)', *Elektronnyi nauchnyi zhurnal "edu.e-history.kz"*, no. 1, 2016. (In Kazakh)
- Tatimov M., Aliev Zh. *Our identity is in demography* (Almaty, 1993). (In Kazakh)
- Tatimov M. B. *Population development and demographic policy* (Alma-Ata, 1978). (In Russian)
- Tatimov M. B. *Social conditioning of demographic processes* (Alma-Ata, 1989). (In Russian)
- Tatimov M., Tatimova M. 'The tragedy of the great steppe', *Myse*, no. 6, 2009. (In Russian).
- Tetimov M. *Kazakh. Elemi (How many Cossacks are there? Kazak, Kachan, where were they expelled, slaughtered and killed?)* (Almaty, 1993). (In Kazakh)
- Verkhoturov D. N. "Kazakh genocide", which was not (Moscow, 2021). (In Russian)
- Werth N. 'Food Shortages, Hunger and Famines in the USSR, 1928–33', *East/West: Journal of Ukrainian Studies*, no. 2, 2016.
- Wheatcroft S. 'Brief note on the size and spread of the great famine in Kazakhstan' in *Golod v Kazakhstane: tragediia naroda i uroki istorii: Sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii* (Astana, 2012). (In Russian)
- Wheatcroft S. 'Indicators of the demographic crisis during the famine' in *Golod v CCCP. 1929–1934*, vol. 3 (Moscow, 2013). (In Russian)
- Wheatcroft S. G. 'Famine in Kazakhstan and Ukraine' in *Golod 1930-kh godov v Ukraine i Kazakhstane: voprosy istoriografii i podkhody k issledovaniyu problemy (k 80-letiiu tragedii)* (Astana, 2014). (In Russian)
- Wheatcroft S. G. 'The Complexity of the Kazakh Famine: Food Problems and Faulty Perceptions', *Journal of Genocide Research*, vol. 23, no. 4, 2021.
- Wheatcroft S. G. 'The Turn Away from Economic Explanations for Soviet Famines', *Contemporary European History*, vol. 27, no. 3, 2018.
- Wolowyna O., Ploky S., Levchuk N. et al. 'Regional variations of 1932–34 famine losses in Ukraine', *Canadian Studies in Population*, vol. 43, nos 3–4, 2016.
- Wolowyna O. 'Demographic Framework for the 1932–1934 Famine in the Soviet Union', *Journal of Genocide Research*, vol. 23, no. 4, 2020.
- Zelenin I. E. 'About some "blank spots" of the final stage of collectivization', *Istoriia SSSR*, no. 2, 1989. (In Russian)
- Zhyromskaya V. B. *Demographic history of Russia in the 1930s. A look into the unknown* (Moscow, 2001). (In Russian)
- Zhyromskaya V. B. 'Famine of 1932–1933: Human losses' in *Golod v SSSR. 1929–1934*, in 3 vols, ed. V. V. Kondrashin, vol. 3: Leto 1933–1934 (Moscow, 2013). (In Russian)

Received: February 22, 2022

Accepted: October 20, 2022